Голованова Е. Ю.

ПРОБЛЕМА ТЕЛЕСНОСТИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/7-1/11.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 7 (26): в 2-х ч. Ч. I. С. 37-40. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

лет… За это время, как самый состав, так и настроение горского населения вверенной мне области успели уже резко измениться. Представители прежнего поколения, фантастически преданные обычаям своих отцов и дедов, частью умерли, частью переселились в Турцию… На смену им явилось новое поколение, воспитанное в духе уважения к русским законам, освоившееся с нравами и обычаями заселивших край русских переселенцев, прошедшее в значительной своей части школы русской грамоты»[1]. Горское население Кубанской области было уже достаточно подготовлено к упразднению горских словесных судов и передаче возникающих среди них судебных дел в ведение действующих в крае общих и мировых судебных учреждений. К началу XX века горское население достаточно свободно владело русским языком, кроме того, и в горских словесных судах производство также велось на русском языке. Сами горцы к концу девятнадцатого столетия стали направлять жалобы на решения горских судов непосредственно в общие суды, а также подавали многочисленные ходатайства об изъятии дел из производства горских судов и их передачи в общероссийские[2].

Таким образом, народы Северного Кавказа все больше вовлекались в правовое пространство Российской империи путем постепенной трансформации, процесс преобразований был постепенным, коренной ломки веками сложившихся устоев горцев российской властью допущено не было. Это был разумный, рассчитанный на десятилетия реформистский курс преобразований.

Список литературы

Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей // Кубанский календарь на 1902 г. Екатеринодар, 1901. 530 с.
Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 454. Оп. 2. Д. 340.
ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5292, 5293, 5300.
Дзидзоев М. У. Общественно-политическая и государственно-правовая мысль в Северной Осетии (вторая половина XIX–начало XX в.): монография. Орджоникидзе: Изд-во Ир, 1979. 260 с.
Законотворчество думских фракций. 1906-1917 гг.: документы и материалы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 768 с.
История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. – 1917 г. М.: Наука, 1988. 659 с.
Ковалевский М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1905. 320 с.
Невская В. П. Карачай в пореформенный период. Ставрополь: Книжное изд-во, 1964. 224 с.
Свечникова Л. Г. Обычай в правовой системе (на материалах правового развития народов Северного Кавказа в XIX в.). Ставрополь: СФ СКАГС, 2002. 185 с.
Свечникова Л. Г. Особенности проведения судебной реформы 1864 г. на Северном Кавказе // Правовые системы народов Северного Кавказа: история и современность (поиск диалога культур): кол. монография. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2006. 235 с.

ПРОБЛЕМА ТЕЛЕСНОСТИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Голованова Е. Ю.
Уфимский филиал Московского института экономических преобразований

Во всякой культуре человеческая телесность образует важную ценностную сферу. Телесная культура, то есть поведение и отношения, связанные с соматическими характеристиками человека, формируется во многом социокультурными факторами. Образ телесного «я» соотносится с культурными ориентациями, представлениями о достоинстве, силе, красоте, физической сноровке, социальной и культурной уместностью и оригинальностью.

Проблема телесности включает в себя важные вопросы, пронизывающие любую человеческую культуру – такие, как жизнь, рождение, смерть. Кроме того, телесность естественно соотносится с темой сексуальности. В различных культурах между этими сферами проводится та или иная дистанция, и на сексуальные отношения во многом влияют и социальные факторы, важнейший из которых – постоянно существующее разделение труда между полами в семейных обязанностях и профессиональной деятельности.

Представления о нормативной или идеальной телесности поразительно отличаются друг от друга в разных культурах. Несмотря на многочисленные религиозные табу, древнейшее мифологическое сознание не стыдится естественных телесных отправлений, оно открыто кладет их в основу своих универсальных символов. В первобытных наскальных рисунках и статуэтках, изображающих человека, весьма натуралистически и детально изображаются половые органы, причем в основном это изображения женщин с гипертрофированными материнскими чертами (так называемые «первобытные Венеры»).

Живое человеческое тело, способное на любое физическое усилие, превыше всего ценилось и во времена античности. Отсутствие одежды никого не смущало, ко всему относились просто и ничего не стыдились. Греки были обнажены во время многих религиозных церемоний и спортивных состязаний, которым прида-

[1] ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5300. Л. 5.
[2] Там же. Л. 7.

валось большое значение в общественной жизни. Подобное отношение к телу также находит свое воплощение в искусстве. В изображении человеческого тела античные художники достигли совершенства, оно представлено здесь здоровым, энергичным, атлетическим. Особое внимание уделяется физическому телу и в работах античных философов – Платона, Аристотеля, представителей эпикуреизма и стоицизма.

В эпоху христианства отношение к человеческому телу резко меняется. Религиозное мировоззрение строится на противопоставлении двух миров: земной жизни и загробной. Земная жизнь не обладала конечной ценностью, это была только подготовка к загробной жизни. Церковь проповедует идею дуализма, то есть двойственности человеческого существа, состоящего из души и тела, верха и низа, и призывает жертвовать интересами плоти ради души и ее вечной жизни в загробном мире.

Отношение средневековой культуры к сексуальности было амбивалентным. Официальная христианская мораль была аскетической и антисексуальной. Единственным оправданием половой жизни считалось продолжение рода в рамках церковного брака, но и здесь она подвергалась тщательной регламентации (запрещение сношений по постам и праздникам, табуирование наготы и т.п.). Однако наряду с аскетизмом в феодальном обществе вполне легально существует карнавальная культура, которая допускала демонстрацию обнаженного тела, открытое выражение эротики, переодевание мужчины в женщину и т.п. Повседневный быт, по-видимому, представлял собой своеобразную смесь этих двух миров. Средневековые люди не отличались стыдливостью, обыденные факты жизни свободно обсуждались и в крестьянской, и в рыцарской среде, широко обыгрывались в народном художественном творчестве.

Для карнавального мышления характерно столкновение обеих сторон жизни – божественного и низменного, верха и низа. Оно обязательно пародийно, и, как писал М. М. Бахтин, через «эстетику неприличного» в нем обыгрывались серьезные вещи, которым в обыденной жизни человек должен был подчиняться. Сексуальность человека тесно связана с эволюцией игровых, праздничных компонентов культуры. Характерное для первобытного праздника всеобщее веселье сплачивает людей, и даже сама теснота, сам физический контакт тел получает некоторое значение [Бахтин]. Индивид ощущает себя неотрывной частью коллектива, членом массового народного тела.

В карнавальном мировоззрении средневекового человека тело человека и все его части играют большую роль: они служат связующим элементом между человеком и окружающим его миром. Тело в гротескной культуре – это гротескное тело, четких границ между этим телом и миром практически нет. «Гротескное тело – становящееся тело, оно всегда строится, творится и творит другие тела; оно поглощает мир и само поглощается миром» [Там же, с. 351]. Поэтому самую существенную роль в гротескном теле играют те «места, где оно перерастает себя, выходит за собственные пределы, зачинает новое тело: чрево и фалл», а также «основные события в жизни гротескного тела, акты телесной драмы – еда, питье, испражнения (и другие выделения: потение, сморкание, чихание), совокупление, беременность, роды, рост, старость, болезни, смерть, растерзание, разъятие на части, поглощение другим телом» [Там же, с. 352]. По словам М. М. Бахтина, «могучая материально-телесная стихия» телесных образов средневековья «развенчивает и обновляет весь мир Средневекового мировоззрения и строя, с его верой, святыми, реликвиями, монастырями, ложной аскезой, страхом смерти, эсхатологизмом и пророчествами» [Там же].

Буржуазная культура нового времени разрушила биполярную структуру, где наверху была аскеза, а внизу карнавал. Гуманистический идеал эпохи Возрождения не признает антагонизма между духовным верхом и темным низом. Именно гуманистическая реабилитация плоти обычно рассматривается историками как начало, по выражению М. Фуко, эротизации культуры». В обществе того времени царит культ наслаждения, который ярко проявляет себя и в обыденной жизни, и в искусстве и вызывает жестокое сопротивление со стороны деятелей церкви.

Но ренессансный дух свободы и раскованности торжествует недолго. Когда на смену христианскому аскетизму приходит буржуазная мораль самоограничения, телесно-эмоциональная сторона бытия, включая сексуальность, снова подвергается гонениям. Это хорошо видно на эволюции отношения к телу.

Средневековая культура, как мы уже говорили, была в этом отношении амбивалентна - «на одном полюсе - бестелесный иконописный лик, на другой – карнавальное гротескное тело, в облике которого предпочтение отдается низу, и плотоядно смакуются все его физиологические отправления» [Кон, с. 136]. Эпоха Возрождения выработала новый телесный канон, предполагающий «совершенно готовое, завершенное, строго ограниченное, замкнутое, показанное извне, несмешанное и индивидуально-выразительное тело» [Бахтин, с. 354-355]. Этот новый канон был одним из аспектов исторического процесса индивидуализации человека, но содержал в себе определенное противоречие.

С одной стороны, тело реабилитировано, его все свободнее изображают в живописи и скульптуре, отдают должное телесным переживаниям, в том числе эротическим. С другой стороны, тело мыслится как подчиненное рационально-духовной сущности человека, что убедительно доказывает знаменитое изречение Р. Декарта «Я мыслю, следовательно, существую». Поэтому телесный низ и все с ним связанное начинают казаться вульгарными. Традиционное изображение тела в деиндивидуализированном, природно-физиологическом ключе вызывает моральное и эстетическое осуждение. Люди начинают стыдиться своего тела. В XVI-XVII веках нагота запрещается сначала в общественных местах, а затем становится неприличной даже наедине с собой (свидетельством тому служит появление в XVIII веке различных видов ночной одежды).

В XVII веке, по мнению Э. Фукса, разрушается прежняя гармония, характерная, для царившего в эпоху

Ренессанса идеала человеческой красоты. Так, в женщине видят не нечто целое, а прежде всего отдельные прелести и красоты: маленькую ножку, узкую кисть, нежную грудь и т.д. Под влиянием раздробления на части прежней единой гармонии, обусловленной творческой тенденцией эпохи, идеал красоты уже не был соединен непременно с наготой. Отныне он, наоборот, находится в теснейшей связи с одетым телом, неотделим от последнего. Вследствие этого меняется и отношение к наготе [Фукс, т. 2, с. 83-84].

В образе индивидуального тела нового времени половая жизнь, еда, питье и испражнения резко изменили свое значение: они перешли в частно-бытовой и индивидуально-психологический план, где их значение становится узким, специфичным и оторванным от непосредственных связей с жизнью общества и с космическим целым. В этом своем значении они уже не несли больше прежних мировоззренческих функций. Именно в XVII веке рождаются все главные запреты, вырабатываются императивы приличия, включающие в себя обязательное избегание тела, что приводит, по словам М. Фуко, к «молчанию и императивной стыдливости языка» [Фуко, т. 1, с. 218].

Языковая цензура неотделима от цензуры над телом. Телесная полнота, которая раньше считалась признаком здоровья, благополучия и богатства, теперь оценивается отрицательно, как и обжорство и прочие излишества. Правила хорошего тона запрещают держать локти на столе, рыгать, сморкаться и т.п. Как пишет И. С. Кон, «взят курс на дисциплинирование и языка, и тела» [Кон, с. 137]. Но нужно сказать, что в тоже время, на уровне различных областей разговорной речи имел место почти обратный феномен. Э. Фукс справедливо отмечает, что каждая эпоха полна противоречий: что одному классу кажется вполне естественным, у другого находится под строжайшим запретом, и наоборот [Фукс, т. 1, с. 28].

Особо строгому табуированию со стороны языковой цензуры подвергалась тема сексуальности. Но различие между половой моралью буржуазного и феодального общества не столько в степени репрессивности и терпимости, сколько в самом отношении к сексуальности и в изменении способов социального контроля над ней. Место «внешних» ограничений и запретов постепенно занимают «внутренние» нормы, что связано с развитием интереса к человеку как к личности, сентиментализацией сексуальности и включением ее в круг важнейших личных переживаний. Если Средневековье подчиняло сексуальное поведение индивида задаче укрепления его социальных, семейных, родственных и прочих связей, то буржуазная эпоха интериоризирует сексуальность, выдвигая на первый план ценности аффективно-психологического порядка.

Идеология Просвещения также оказала определенное влияние на процесс табуирования телесности. В это время возникают напряженные споры о природе любви и дружбы и их соотношении, о природе чувственного влечения и духовной привязанности. В XVIII веке возникает проблема соотношения генитально-эротических и эмоционально-коммуникативных компонентов сексуальности. В XVIII-XIX века они постепенно превращаются в самостоятельные, противоположные начала, не имеющие ничего общего друг с другом. В произведениях сентименталистов и романтиков образ высокой любви в значительной степени десексуализируется, ее описывают исключительно в нравственно-психологических терминах уважения, нежности. Эротика вытесняется и в свою очередь обособляется, обретая собственную подпольную субкультуру, представителями которой были французские либертины XVIII века, прежде всего, де Сад. «Сексуальное подполье», имеющее свои клубы и центры распространения, культивирует все то, что осуждает официальная культура [Кон, с. 144-145].

Развитие капитализма совпало с суровым подавлением секса. М. Фуко объясняет это тем, что секс несовместим с всеобщим и интенсивным привлечением к труду: «можно ли было терпеть в эпоху, когда систематически эксплуатируется рабочая сила, чтобы она отправлялась увеселять себя удовольствиями, за исключением разве что тех, сведенных к минимуму, которые позволяют ей воспроизводиться?» [Фуко, т. 1, с. 102].

В начале XIX века половое воздержание, которое раньше считалось религиозной добродетелью, необязательной для мирян, возводится в медико-биологический императив. В биологической ценности «сперматической экономии» никто не сомневается, расход семени в научных трактатах сравнивают с тратой денег, при этом аргументы данного высказывания те же, что и в работах по вопросам экономики.

Необходимой предпосылкой научного исследования сексуальности стало преодоление религиозно-мистического отношения к ней, принципиальная установка на то, чтобы анализировать половую жизнь не в терминах религии и морали, которые в разных обществах вовсе неодинаковы, а в естественно-историческом ключе, на основе достоверно установленных фактов. Такая задача впервые была поставлена достаточно поздно – во второй половине XIX века. Объективное изучение сексуальности было невозможно без предварительного развития целого комплекса биологических и социальных наук, но, кроме того, нужно было преодолеть жесточайшее сопротивление церкви и буржуазного ханжества. Официальная мораль буржуазного общества была насквозь пронизана антисексуальными установками. Не только половая жизнь, но и весь телесный «низ» считались грязными и непристойными, о чем порядочным людям не положено думать и тем более говорить.

Развитие медицины и науки в целом, проблемы демографии, в частности, вопрос о наследственных заболеваниях, постепенно выводят проблему телесности и сексуальности из-под контроля церкви, на первое место вы ходят вопросы здоровья и болезни, требование нормальности, а не проблема греха и вечной кары. По меткому выражению М. Фуко «плоть низводится до организма» [Там же, с. 211].

В подавлении секса и телесной дисциплине М. Фуко видит действие власти, перехлестнувшей за пределы любых дисциплинарных институтов и пронизывающей собой все общество и все виды отношений между

людьми, включая самые близкие и интимные.

М. Фуко напоминает, прежде всего, что в течение долгих веков, предшествующих эпохе просвещения и буржуазных революций, "отличительной чертой права сюзерена было право на жизнь и смерть его подданных. Но в классическую эпоху Запад пережил глубокую трансформацию подобных механизмов власти. Власть стала находить свою легитимность в обеспечении эффективного функционирования социального тела во всем многообразии его жизненных функций.

С XVII века власть над жизнью начала развиваться в двух основных формах, образующих как бы два полюса власти, между которыми располагается целая сеть промежуточных форм. Первый полюс – власть над телом как машиной, его дрессура, увеличение его способностей, выкачивание его сил, параллельный рост его полезности и его покорности. Для этого развивалась целая система различных дисциплинарных институтов: школы, колледжи, казармы, мастерские. В связи с этой системой институтов складывается определенная система знаний о человеке, характеризуемая Фуко как «анатомическая политика человеческого тела».

Второй полюс власти над живым образуют формы, складывающиеся позднее, к середине XVIII века. Это власть над телом как особью биологического вида и связанными с ним биологическими процессами: размножением, рождением и смертью, выражающимися в показателях здоровья, продолжительности жизни и прочее. В этой сфере власть осуществляется в виде регулирующего контроля – «био-политика народонаселения».

Право сюзерена лишить подданного жизни заменяется, по выражению Фуко, администрацией тела и расчетливым управлением жизнью. Такая власть над жизнью рассматривается им как необходимый элемент развития капитализма, ведь последний не мог бы утвердиться без включения тела в систему производства и приспособления поведения популяции к экономическим процессам [Там же, с. 218-246].

В XIX веке в Европе свирепствует моральная цензура. По соображениям благопристойности запрещаются произведения Ронсара, Лафонтена. Руссо, Вольтера и других писателей. В 1857 г. во Франции состоялось два судебных процесса – над Г. Флобером и Ш. Бодлером, в результате которых автор «Госпожи Бовари» был все-таки оправдан, а некоторые стихотворения Бодлера были запрещены вплоть до 1949 года. Ситуация начала постепенно меняться только в следующем столетии.

В XX веке происходят глубокие перемены в культуре. Прежде всего, налицо крах антисексуальных установок христианской культуры и псевдонаучных обоснований. Общество перестает видеть в телесности и сексуальности нечто постыдное и низменное. Реабилитированный эротизм находит разнообразное преломление, как в массовой, так и в «высокой» культуре, будь то литература, кино или изобразительное искусство. Происходит сужение сферы запретного.

Список литературы

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
Кон И. С. Введение в сексологию. М.: Медицина, 1990. 336 с.
Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности // Фрейд З. Я и Оно: сочинения. М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во «Фолио», 2003.
Фуко М. История сексуальности // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы различных лет / пер. с франц. М.: Кастал, 1996. Т. 1. Воля к знанию. Т. 2. Использование удовольствий.
Фуко М. Рождение клиники / пер. с франц. М.: Смысл, 1998. 310 с.
Фукс Э. Иллюстрированная история нравов / пер с нем. М.: Тера. 1996. Т. 1. Эпоха Ренессанс. Т. 2. Буржуазный век.
Foucault M. Histoire de la folie à l'âge classique. Edition Gaillimard, 1972. 528 p.

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (ОТ АНТИЧНОСТИ К СОВРЕМЕННОСТИ)

Давыдова С. И., Давыдов О. Б.
Дальневосточный государственный гуманитарный университет, г. Хабаровск

В основе нашей работы лежит методологическая установка, что вся история человеческой мысли имеет три фундаментальных эпохи - премодерн (традиционное общество), модерн (общество Нового времени) и постмодерн (индустриальное общество), которые с эсхатологической неумолимостью движутся в направлении все большей апостасийности.

В соответствии с философским дискурсом мы определяем парадигмы премодерна, модерна и постмодерна и рассматриваем их в «синхронической оптике», методом, которой был использован как западными мыслителями (Р. Генон, Ю. Эвола, К. Леви-Строс, М. Фуко и др), так и отечественными П. Данилевским и К. Леонтьевым, а в наше время – А. Панариным, А. Дугиным [1, с. 232-243].

Сущность постмодерна заключается в отрицании модерна без возвращения в премодерн. Представить этот процесс сложно, потому что мы еще живем в состоянии фазового перехода от одного к другому от «все